

Образ смерти. К семинару по повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»

Воронин А.А.,
д. филос. н.,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН
89031019500@yandex.ru

Аннотация: Повесть Л.Н. Толстого стала предметом обсуждения на семинаре в ИФ РАН на тему проблемы происхождения биоэтической проблематики в отечественной литературе. В статье предпринят анализ концептуального пункта, который многими исследователями считается истоком биоэтики. Вывод автора: образ смерти, созданный Л. Толстым, дал толчок постановке биоэтической проблематики, хотя сам он остался вне ее пространства.

Ключевые слова: жизнь, смерть, литература, реальность, смысл, Лев Толстой.

Начну с процедурных вопросов: какова цель моих рассуждений, как я буду аргументировать свою позицию, к чему клоню. Цель — понять замысел Льва Николаевича Толстого, аргументация будет строиться на разборе композиции текста, а клоню я к тому, как из литературного произведения вытекают выводы, далеко отстоящие от литературы и касающиеся личного самосознания читателя.

Вопрос о смысле жизни — не только литературный вопрос. Его много раз задают многие люди. Это очень странный вопрос: он вроде осмысленный, но тысячи разных, в том числе противоположных ответов, истинность которых гарантирована жизнями людей, а то и огромных сообществ, подрывают саму его возможность. Его давно пора занести в список псевдovoпросов, а проблему — в список псевдопроблем. Но он не дается. Он упрямее и сильнее всех очистительных эпистемологических процедур. Он требует к себе какого-то иного отношения, более уважительного с моральной точки зрения и глубже исследованного с точки зрения эпистемологии. И культурологии, и этнографии, и истории...

Но задать вопрос о смысле смерти отваживаются только немногие мыслители. Те, которые понимают, что смерть — вовсе не просто обрыв бытия, пустота, не заполненная даже самой пустотой. И вовсе не жизнь в раю, в объятиях неистовых девственниц или в садовых кущах с павлинами. Имеет ли смысл смерть человека? Умирая, он калечит коммуникативные сети, в которые он был включен и которые он создавал, но они не пропадают вместе с его уходом. Многие люди инвестируют свои таланты, свои жизни именно в эту зыбкую среду, о которой только и можно сказать, что это терра инкогнита. Только гении знают свое место в культуре, в памяти, в «пароходах и самолетах». Но ведь не все гении. Думать, размышлять о смерти, о непреходимой черте, за которой ужас исчезновения, — это такая философская дерзость, которую редко кто может себе позволить.

И — опять парадокс — оказывается, вслед за великими можно сделать и такой шаг. Можно заглянуть туда, где якобы ничего нет. Можно пройти по стопам смельчаков и открыть для себя нечто невероятно важное, личное, скрытое и неминуемое.

Как отнестись к коллизии, запечатленной писателем Львом Толстым: как к литературному произведению или как к реальной ситуации, которую читатель извлекает из литературного текста и считает реальностью? В каком смысле это реальность? Проблематика актуальная? Повторяется в жизни? Учит? Сопереживания вызывает? Красиво написано? Так вот: у литературного изделия и реальности онтологии разные. Литизделие построено по законам поэтики прозы. В литературе смерть может быть жестом. Жестом героя — в двух смыслах: героический образ и просто герой повествования. Вся мифология самопожертвования, возвышающая жизнь через смерть, построена как преднамеренная игра со смертью, иными словами, смерть наделяет жизнь высокими символами, зачисляет победу в поражении, жертву в победителя. Смерть часто используется в литературе как завязка интриги, как дидактическое выявление замысла автора, а то и как развязка слишком тугого узла — гордиева, шекспировского, набоковского. В жизни смерть тоже бывает жестом, сообщением живущим о самом важном — воле, непокорности, превосходстве жертвы над палачом... Революционеры как один умирали «за дело это», не понимая толком, за какое именно. Самопожертвование ради спасения других, как в котле на Чернобыльской АЭС... Но если не «зову я смерть», то победить ее нельзя. Опять парадокс: победить смерть можно только смертью, как Христос. Может быть, в этом прячется одна из причин войны — смерть солдата дает победу армии и стране.

Однако между литературой и реальной жизнью отношения складываются непросто. Вернемся к произведению Льва Николаевича Толстого. Структура повести выстроена безукоризненно: введение, экспозиция играет существенную роль для понимания всего замысла. Одна из ключевых — сцена прощания, с равнодушным отношением коллег и сообщества, релевантного для Ивана Ильича, к его смерти, с благополучным житейским фоном, куда вскоре вторгается смерть. Она войдет как печальное недоразумение — ведь вот казалось, что Иван Ильич поправляется, а тут «ну и ну, вот те раз — а больной-то уже помер у нас» (цитата из Галича). Но не более того, полвечера неловкости перед гробом покойного, а потом — за карточный столик. Дело житейское. Но тем самым вся тяжесть, весь ужас и неотвратимость смерти перемещаются писателем (!) во внутренний план, в душу и в сознание Ивана Ильича. Живем среди людей, а умираем поодиночке. Обозначено место происшествия. Семейная жизнь, в которой близкие люди оказываются далекими, а далекие — слуга — близкими. Заботливо убранная квартира — модель мирка, в котором трагедия и драма снижают свой пафос до сентенции дочери — мы же не виноваты, что он умирает... Жена как формальное сочувствие, ее невольная фальшь, ненавидимая больным мужем. Сын — порочный мальчик — привет от Льва Николаевича О. Б. Пановой с ее символическим «ребенком» как стержнем мира. Иван Ильич не видит в нем своего продолжения на белом свете. Доктора как высшая инстанция знания о болезни, но оно бесплодно и фальшиво. Это все тщательно выстроенная композиция, реализация замысла Толстого: жизнь «не та», но вдруг появляется мираж «той» жизни, именно на пороге смерти, которая есть не что иное, как познавательное средство, момент истины, подкожное

ощущение упущенной возможности обрести в жизни «то», что ценнее всего бренного... Но это «то», оказывается, само по себе не дается человеку, его надо снискать...

Биография и служебная история тоже играют свою роль в композиции: в той жизни, что ведут товарищи Ивана Ильича, нет запроса на подлинное. Ни в религиозном, ни в светском вариантах. Есть текучка, функционирование в заданном жизненном цикле, где один сменяет другого по неким правилам, которые можно чуть-чуть изменить, но не поменять. Смерть Ивана Ильича не отменила партии в вист, не изменила жизненных траекторий его близких, никак не сказалась на социальном механизме, из которого он выпал. Наоборот, кто-то порадуетя освободившейся вакансии. Ситуация глубокого отчуждения, настолько ввевшаяся в людей вокруг, что уже и не замечается. И тут контрапункт — а писатель видит, фиксирует, выводит читателя из замкнутого круга невидимой границы. Читатель приглашен в другое измерение жизни, в котором пребывает писатель. Уже кольнуло. Но еще не ударило.

Писатель и его лирический герой — дистанция и общность: Толстой не любит своего героя, но вкладывает ему свои мысли, свой язык, при этом прекрасно понимая, что «не то» у героя — это его творческая ущербность, которой у оригинала, то есть писателя, нет и в помине. «То» — за пределами обывательской жизни, даже такой симпатичной — дача/квартира/машина, — как принято в «обществе». В предсмертных стенаниях Ивана Ильича отсутствуют мысли о потере близких, о важных делах, которым была посвящена жизнь, о том, что он кому-то очень нужен. Это одиночество, изоляция, обрыв существенных связей с жизнью, которые были и во времена здоровья, но вот теперь только стали явными. Мы, читатели, становимся свидетелями писательской игры, или сшибки — лирический герой мыслит мыслями писателя, но при этом они противоположны по сути своей. Кстати, поиски подлинности жизни — вообще лейтмотив всего творчества писателя, его можно обнаружить практически во всех крупных произведениях Толстого.

Биоэтики в этом рассказе нет в явной форме — но есть в неявной. В явной форме биоэтическая проблематика и оптика начинаются тогда, когда проблематизируются как отдельная тема отношения участников и свидетелей смерти между собой. Здесь такого вычленения ситуации, ее рефлексии пока нет. Врачи выступают как эзотерические посланцы смерти — знают о ней, но молчат, якобы в интересах пациента, но на самом деле своего рода власть над больным входит в кодекс врачей. Они вроде стоят по ту сторону, или скорее — сверху, над, отстранены от смерти, потому что смерть для них — это предмет манипуляций, а не рок и судьба. Они могут ее отодвинуть, обезболить, влиять на нее. Но власти над смертью у них нет, и поэтому они мало того, что неубедительны, они еще и фальшивы. Они соскальзывают с ледяной вершины, на которую их занесла корпоративная врачебная этика. Представьте себе, что врач сразу же сказал бы Ивану Ильичу, что он смертельно болен и жить ему пару месяцев. Вот здесь бы и начиналась биоэтика. Иными словами, смерть Ивана Ильича — это еще и экзамен врачам на подлинность, на «то» в их профессии, которое совпадает — или должно было бы совпасть — с «тем» в их человеческих экзистенциях. Но нет, не случилось. Выскочить за рамки общепризнанных стереотипов не удастся никому из персонажей — а Толстой сумел, самым фактом литературного письма. Он противопоставил записанную историю самому факту записи, в котором скрыт пафос утверждения того, чего в жизни персонажей нет. Эдакий апофатический жест.

Смерть завершает жизненный путь. Но для писателя важно другое — она открывает то, что не могла открыть жизнь. Страдания, боль, страх, несправедливость и жажда преодолеть недуг — читаются как наказание за неподлинную жизнь, за подмену жизни гламурным уютом и радостями карьеры. Впрямую Толстой этого не говорит — догадайся, читатель, сам, в чем смысл повести. Толстой опять отдает дань дидактике, но прячет ее в обертку, которую заготовил читателю на послевкусие, на долгую думу уже не о смерти литературного персонажа, а о своей жизни и своей смерти. Вот тут и ударило. Этот шаг от литературы к реальной жизни и есть подлинный смысл повести.

**The image of death.
To the seminar on the novel by L.N. Tolstoy
"The Death of Ivan Ilyich"**

Voronin A.A.,
Doctor of Philosophy,
Leading Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
89031019500@yandex.ru

Abstract: The novel by L.N. Tolstoy was the subject of discussion at a seminar at the Institute of the Russian Academy of Sciences on the problem of the origin of bioethical issues in Russian literature. The article analyzes the conceptual point, which is considered by many researchers to be the source of bioethics. The author's conclusion: the image of death created by L. Tolstoy gave impetus to the formulation of bioethical problems, although he himself remained outside its space.

Keywords: life, death, literature, reality, meaning, Leo Tolstoy.